

Vlad Ozer

Служба по контракту

ГСВГ – Потсдам

Vlad Ozer
Служба по контракту.
ГСВГ – Потсдам

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39288233
ISBN 9785449365736*

Аннотация

Служба в ГСВГ, ГДР, Потсдам, 744 артиллерийский полк.1977—1980 годы. Книга будет интересна как молодежи, собирающейся служить в армии, так и ветеранам, моим ровесникам. Особенно тем, кто сам прошел службу в группах войск за рубежами СССР.

Содержание

Офицерское общежитие	24
Приступаю к службе	28
Ремонт	38
Я НАЧАЛЬНИК ПАТРУЛЯ ПО ГОРОДУ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Служба по контракту ГСВГ – Потсдам

Vlad Ozer

© Vlad Ozer, 2018

ISBN 978-5-4493-6573-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Размышления в одиночестве

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Башня возле центрального кпп дивизии.

На ней Гитлер вешал свою оппозицию. Наши связисты использовали ее в своих целях.

Впервые за прошедший год нахожусь за забором части, сам, один, совершенно один! Не в группе себе подобных и без сопровождающего старшего.

«Свобода! – стучит в висках и перехватывает дух. – А свобода ли?»

Почему – то сохраняется чувство, что свобода, то нереальная.

«Я свободен? Или нет?» – спрашивает мозг сам у себя.

«Видимо, да! – говорит левое полушарие правому. – Да, свободен, – отвечает правое полушарие».

«Как, совершенно свободен? И могу делать все, что мне вздумается? Да можешь, примерно как пес, но в пределах длины цепи, – шепотом отвечает правое.»

«Ага, а цепь моя, покрашена в цвет хаки, чтобы далеко было видно. Это раз, портупья вместо ошейника, это два. На ногах сапоги хромовые, с широкими не по размеру голенищами, чтобы далеко не убежал. Отсутствие паспорта и суррогат вместо него, «Удостоверение личности», это три. В довесок ко всему, чужая, совершенно незнакомая, а потому враждебная территория. А если учесть, что и с лаем, пардон, с местным языком проблемы, т.к. говорить меня на нем почти не научили... То свобода, к которой я так стремился, намечается... размером с овчинку.

Да, но что поделаешь, тешит только то, что я ведь такой

далеко не один. Сотни тысяч мне подобных, чтобы попасть в эту позолоченную клетку еще и прилагали невероятные усилия. В глазах очень многих я еще и везунчик. Ну что же, со временем придется привыкнуть и к этой, ограниченной, со всех сторон обгрызенной свободе. Постараемся ценить то, что имеем, "– приходят к консенсусу оба полушария.

Стоя на остановке, осматриваюсь по сторонам. Полоса газона от бордюра проезжей части дороги и до бетонного забора по Уставу считается территорией части. Газон зеленый, мусора нет, но пострижен он, как голова новобранца тупыми ножницами стажером пэтэушником в парикмахерской. Прямо через дорогу – приличное по размерам озеро. «Крампитц-зее» – называется.

Слева от меня -высокая, метров сорок, четырехугольная с зубцами на верху, башня. С моей стороны на высоте, около тридцати метров, висит портрет вождя мирового пролетариата. Портрет написан на круглом, в диаметре до трех метров, щите. Выше портрета, по периметру башни, торчат какие-то массивные крючья, по два с каждой стороны. Немного позже я услышал местную легенду об этих крючьях. Якобы, Гитлер после покушения на него в сорок четвертом году, развесил на этих крючьях основных заговорщиков-генералов, по два с каждой стороны.

Несколько позже мне еще пару раз пришлось столкнуться со следами этой легенды. Верх башни украшал пирамидальный, стеклянный купол, а вокруг него торчали антенны различной конфигурации. Вершину купола, как и положено, венчало на мощном штыре, красное знамя победителей. Чувство гордости за свою страну распирало грудь, глядя на этот, реющий на ветру флаг. Как же мы хоть и рабы, с резко ограниченной свободой, но рабы – победители. Вечные спартанцы. А эти, пытавшиеся ассоциировать нас к новому порядку Гансы, хоть и живут побогаче нас, но они побежденные.

Да и живут- то они за нашей спиной и за наш счет. Под нашей протекцией, так сказать. Так, по крайней мере, нам внушали на политзанятиях. Вот победит коммунизм во всем мире с нашей помощью, разумеется, тогда мы займемся подъемом уровня жизни и у себя дома, а пока немножко нужно потерпеть. На исходе, правда, уже шел шестой десяток лет терпения, а свет в конце тоннеля все еще не просматривался. Но это все из-за буржуев проклятых. Упорные попали, отделяющую нас от этого долгожданного коммунизма.

А судя по дате которая стояла на дворе, то черта, которую обещал нам

один плешивый «оракул-предсказатель»* должна была приблизиться уже очень скоро. И «рай коммунизма» дол-

жен был упасть нам в руки, как перезревший плод, несмотря на абсолютное отсутствие каких – либо признаков его приближения.

И чего только не взбредет в голову, глядя на красный прапор, развевающийся над чужой башней. Высоко полетал в мечтах, приземлился. Что-то долго нет «буса*». Тут нужно думать, как над минимум двумя более насущными вопросами. И первый из них- это как доехать к новому месту назначения, не зная маршрута и немецкого языка? А второй более жгучий в ближайшей перспективе, как меня встретят? В совершенно незнакомой части, в чужом пока для меня коллективе.

Мягко шурша шинами и почти беззвучно к остановке подрулил новенький, двухсекционный с гармошкой посередине, венгерский бус- «Икарус». Вместе со мною на остановке стояло два-три человека женщин и мужчин в партикулярном платье, скорее всего, наших, советских. Наших – то трудно спутать с местными. Женщины выделяются яркими на фоне немок чуть ли не цыганскими нарядами и сверх обильной косметикой, а мужчины даже в гражданской одежде, своими голыми затылками. И тех и других можно было в толпе различить за километр.

Эти навыки распознавания своих я приобрел чуть позже,

а пока захожу в автобус. В салоне пахнет не русским духом, а еще свежими, не выветрившимися заводскими, краской и лаком. Свободных мест нет, но проход не забит толпой, как обычно бывает у нас. Тем не менее, умудряюсь наступить на ногу немке средних лет.

– Ой, простите пожалуйста! -самопроизвольно вырывается у меня. Она что-то произносит по – немецки, я не понимаю, но по мимике лица соображаю, что мне прощают мою медвежью неуклюжесть. Сам я заливаюсь краской от стыда за свою невнимательность, и за незнание, и непонимание языка.

На следующей остановке рядом со мною освобождается место и я присаживаюсь. Минут через пятнадцать проезжаем вдоль забора моей, еще такой недавно родной, Недлитцкой дивизии.

«Как-то там живут – поживают мои друзья и враги сослуживцы?» – проносится в сознании. Несмотря ни на что, ностальгия сжала сердце пассатижами. Но туда я еще успею. Проехали. Кто-то, где-то меня уже проинструктировал, что у немцев в общественном транспорте уступать место не принято. Ни старикам, ни женскому полу. И тут я замечаю, что рядом со мною стоит немка лет за шестьдесят. Быстро поднимаюсь.

– Битте зездих зи зих *, -напрягаю свои скудные познания в немецком, больше полагаясь на жесты и мимику.

– Данке, данке шеен*, -мило улыбаясь и благодаря, присаживается бабуля. Вот и состоялись первые свободные контакты с аборигенами. Интересно было бы узнать, кем служила или работала эта немкения лет сорок назад, но, увы. Приехали, автовокзал, на площади бассейн-плац. Здесь мне нужно пересесть на внутригородской маршрут. Конечный пункт «Киршаллее», вишневая, то есть аллея, по нашенскому- нуммер три. Чтобы не мучиться избираю свой любимый в таких случаях вид транспорта – такси. Называю адрес и через минуты три я у цели. Расплатившись с таксистом, выхожу, передо мною привычная армейская картинка: кпп, и пустота вокруг.

*Бус- (нем.) -автобус.

*плешивый оракул-Н.С.Хрущев. Он обещал построить коммунизм к 1980 году.

*bitte, Setzen Sie sich. – (нем.) -присаживайтесь пожалуйста.

*Данке, данке шеен – (нем.) -Спасибо, спасибо большое.

744 артиллерийский, тернопольский полк **Владимир Озерянин**

см. ФОТО:1. Здание штаба полка, сейчас превраще-
но в жилой дом.2.Центральные ворота, проходная в полк.
Запечатлен момент ожидания приезда какого то началь-
ства.3.Танк на постаменте, возле центрального кпп.4.На-

ша холостяцкая столовая, (бывшая столовая офицеров «люфтваффе»), магазин, парикмахерская, и место полковых попоек.

Достаю из внутреннего нагрудного кармана удостоверение и предписание. Предъявляю документы на проходной сержанту. Он мельком ознакомившись, берет под козырек. Прохожу внутрь и уточняю у него, где штаб части и медпункт артиллерийского полка. Выслушиваю его краткое, но деловое объяснение. До штаба полка от кпп не более тридцати метров по прямой, по диагонали до пмп* около ста. Захожу в штаб, дневальный у входа подсказывает, где находится кабинет начальника строевой части. «Капитан Ю. Жук.», гласит табличка на двери. Стучусь, на «Да!» захожу. Начальник строевой части капитан Юрий Жук находится за столом.

– Заходите, заходите, товарищ прапорщик, давно ждем, – произносит с улыбкой симпатичный молодой капитан.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – прикладывая правую кисть к виску, левой подаю ему свои документы. Промотрев, он оставляет все у себя для оформления.

– Влад, приказом командира дивизии, ты назначен фельдшером медпункта, потянешь? -я пока молчу.

– Эта должность приравнена к должности старшины роты. А я насколько понял из документов, опыта у тебя еще мягко говоря, маловато, – тут он скашивает глаза в сторону писа-

ря – ефрейтора, который копошится в бумагах, а я в это время прикладываю указательный палец правой руки к губам. Он меня сразу понимает. Я не хочу, чтобы солдаты в полку узнали преждевременно о моем сроке службы.

– Я справлюсь, товарищ капитан! -как можно бодрее за-
веряю начальника строевой части.

– Тогда сейчас идешь в медпункт, там тебя ждет начмед полка старший лейтенант Доника Владимир Федорович. Он у нас мужик суровый, так что ты с ним поаккуратней. Это мой тебе совет. Ну, давай, удачи тебе.

Я направился в пмп. Что сразу бросилось в глаза – территория полка была какая – то запущенная. Мусор, окурки и фантики везде. Здания казарм- замызганные, обшарпанные. От газонов одно название, они затоптанные дорожками во всех направлениях.

Ориентируясь по подсказкам, подхожу к своему очередному месту службы на ближайшие пару лет. Представьте себе массивное, серое двухэтажное здание с залами, примерно, на тысячу посадочных мест. Это конечно не пмп, это полковая солдатская столовая. Но от тыльной стороны этого здания под углом в девяносто градусов, образуя букву «Г», ответвляется одноэтажный аппендицит, примерно, тридцать метров в длину и десять в ширину, при этом имея еще и свой

заворот под тем же углом на плюс пятнадцать метров.

Вся эта пристройка – под шиферной крышей со своим чердачным помещением и слуховыми окошками. Тылный двор общий со столовой. Прямо через короткую дорожку напротив, тоже медпункт, но уже не наш, а соседнего танкового полка. Позже, в процессе службы узнал, что на этой территории, за одним общим забором -три полка. Кроме моего артиллерийского, еще танковый и полк ПВО*.

ПМП*-полковой медицинский пункт. (лет через семь, удовлетворяя чью то блажь, аббревиатуру изменили на МПП – медицинский пункт полка).

ПВО*-противовоздушной обороны (а проще, зенитный полк).

Полковой медицинский пункт

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Начальник медицинской службы полка, старший лейтенант В.Ф.Доника.

Забор из рабицы, но только с фасадной стороны. Калиток нет, сплошной проходной двор. Возле входа мусор, окурки, крыльцо заплевано, видимо, с утра замешкались, не успели прибрать. Захожу, узенький коридорчик, его пересекает коридор чуть пошире. Слева за загородкой – пост дежурного

медперсонала. За ней сидит дневальный из числа выздоравливающих.

– Где дежурный? – спрашиваю у него. Из-за двери какого-то кабинета или палаты выглядывает кто-то в похожем на белый, халате.

– Вам чего, товарищ прапорщик? – это он мне.

– Ты кто будешь, товарищ сержант? -я ему.

– Дежурный фельдшер сержант Пшенов!

– Плохо, товарищ сержант!

На его лице попеременно отражается гамма чувств. Удивление, немой вопрос: «А кто я такой, чего мне здесь надо?»

И желание послать меня, как можно дальше, но на всякий случай воздерживается. Привычка, как говорится – вторая натура. А может быть потому что на голову ниже меня, хотя и коренастее.

– Плохо потому, – прерываю его недоумение, -что крыльцо заплевано, бычки не склеваны, дорожка к медпункту не подметена. Да и балахон на тебе какой -то, а не халат. Когда он последний раз был в стирке? А!?

– М-м-м., -мычит в непонятке сержант.

– А я, с сей минуты, старшина медпункт, и такого бардака здесь не потерплю. Вам понятно!? Объявляю вам, товарищ

сержант, выговор для начала и два наряда на службу вне очереди. И учтите, что вы так легко отделались только потому, что это на первый раз.

Не дожидаясь, когда он подберет с пола, отвисшую нижнюю челюсть, требую:

– А теперь проводи меня к начмеду.

Кабинет начальника находился по правой стороне коридора, мимо аптеки. Опешивший сержант остался в коридоре. Я после стука и разрешения захожу в узенький, как пенал и темноватый, как келья, кабинетик. За столом в виде буквы «Т» сидит старший лейтенант в возрасте под тридцать. Гладко выбритое, я бы даже сказал, холеное лицо. На прямом, ровном носу – очки с толстыми стеклами и в массивной роговой оправе. За сверкающими, как в монокле стеклами, злые с припухшими (видимо с перепоею), красными веками, глаза. Голова у него почему – то все время склонена к левому плечу. Позже узнал, что у него врожденная кривошея.

– Товарищ старший лейтенант! Прапорщик Озерянин прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

– Присаживайся. Давно жду, – не вставая из-за стола, он подал мне руку.

– Расскажи кратко свою биографию, – требует он. Рассказываю. Она еще довольно лаконичная.

– Сколько, сколько ты прослужил срочной? – уточняет он.

– Год, товарищ старший лейтенант.

– Как это ты умудрился?

Также сжато объясняю.

– Вот это номер, – удивляется он, – и тебе везде дали зеленый свет? Как же это ты так служил, что через год тебе уже доверили и пропустили?

– Добросовестно и безупречно, товарищ старший лейтенант.

– А ты знаешь, что сержант Пшенов, фельдшер, уже прослужил полтора года, и он неплохой сержант, на нем весь мед пункт держится, особенно в ночное время. А я бы его не пропустил, если бы он пожелал остаться даже после двух лет службы.

– Я его знаю, уже познакомились. Объявил ему два наряда вне очереди...

– Что о – о?

– За отсутствие порядка на территории.

– Ну-ну, потише на поворотах, прямо вот так с порога уже наряды раздавать? Не рановато ли? А с другой стороны может ты и прав, ты ведь со старшинскими правами, пусть бо-

ятся, чтобы на голову не сели. Начальника медпункта у меня нет, то есть формально есть, а реально отсутствует. Да ты и сам увидишь. Бери бразды в свои руки, а я помогу. Не стесняйся обращаться за помощью ко мне, и к старым прапорам, я сам не стесняюсь. Они всегда помогут. Давай, работай, посмотрим, как ты справишься здесь у меня, -резюмировал старлей.

– А где, интересно, твое имущество?

– Все на мне, товарищ старший лейтенант

– Ах да, ты же еще и гол, как сокол. Идеальный военный пролетарий, – произнося эту фразу, он снял трубку внутреннего телефона и попросил соединить его с начальником вещевого службы полка.

– Дабачев? Правильно, это я, Доника. А ну- ка давай, прыжками ко мне в кабинет. Я жду.

– Сейчас придет вещевик, я его озадачу, чтобы приодел тебя. И вообще, сегодня решим все вопросы с твоим жильем и питание. Жить будешь в офицерской общаге. Она здесь, на территории части. Питаться в столовой, тоже рядом, за забором. За питание 96 марок в месяц, кормят вполне сносно. Проживание в гостинице вообще на халяву. Копейки... Вопросы?

– Товарищ старший лейтенант, ?

– Да.

– Разрешите одну просьбу?

– Да.

– Я хочу попросить вас, чтобы никто в пмп да и в полку не знал о моем реальном сроке службы, а то, сами знаете, как с солдатами... В первую очередь, с подчиненными, могут возникнуть проблемы...

– Это хорошо, просьба твоя правильная и своевременная. Можешь не переживать, ни одна живая душа, кому не положено, об этом не узнает.

В дверь постучали.

– Да! – рявкнул шеф. В кабинет как -то бочком, ссутулившись, просочился невзрачный на вид, какой – то старлей*.

– Вызывали? -как- то непривычно для равных по званию, чуть ли не подобострастно спросил вошедший.

– Заходи, заходи и прикрой дверь, Равиль. Ты видишь этого молодого, новоиспеченного прапора? Сейчас забирай его с собой, и чтобы через час он выглядел, как принц испанский, ты меня понял?

– Да, есть, конечно, все сделаем. Чуть ли не по струнке вытянулся сын татарского народа. Мне казалось, что это они меня разыгрывают.

Но как я уточнил попозже у знающих, это были настоящие

взаимоотношения между ними, основанные на чисто уставных статьях. А сам начмед мне потом рассказывал, что такие взаимоотношения у них выстроились, когда они еще здесь «холостяковали». А Дабачев на чем-то залетел и Доника его прикрыл. Плюс, небольшие довороты личностных и национальных оттенков.

– Разрешите идти, товарищ старший лейтенант? – это уже я подал голос и подался за вещевиком.

– Давай, получи барахло, отнеси в гостиницу. Оформляйся, устраивайся и приходи в медпункт завтра к восьми утра.

– Есть!

Прошли на склад, он размещался в подвале казармы третьего дивизиона. Так я попутно знакомился с расположением подразделений. В течении часа нвс* полка с начальником склада, лично подбирали мне всю амуницию. А это довольно много. Краткий перечень приведу по той причине, что он точно такой же, как и у офицеров. А гардеробчик в нынешних армиях СНГ намного скуднее.

Две шинели, обмундирование повседневное, парадное и полевое. Фуражки, соответственно, три. Приличная охапка сорочек. Белье (летнее и зимнее). Сапоги, две пары, ботинки, туфли, носки, портянки, ремни, фурнитура и т. д. Да чуть было не забыл: плащ, плащ-накидка, шапки-ушанки,

а еще комбинезоны. Сапоги фетровые и валенки, эти вещи выдавались во временное пользование. А еще рукавицы, перчатки повседневные и парадные, и многое другое по родам и видам войск. Короче, мне со среднестатистическими данными в росте и весе, самому за один раз не унести. Свалили все в плащ-накидку и солдаты-кладовщики помогли дотащить в гостиницу.

НВС*-начальник вещевого службы.
старлей*-старший лейтенант.

Адаптация по ходу службы

Владимир Озерянин

см. ФОТО; слева -направо. Я, фельдшер Л. Куликова,
врач-стоматолог Т. Тищенко, фельдшер, сержан Н. Ткачук.

Офицерское общежитие

Кровать в одной из комнат мне определили без проводочек. Общежитие- бывшая казарма, трехэтажное здание, хапспособом,* переоборудованное на отдельные комнатки. На территории этого гарнизончика, за общим забором находилось, как я уже упоминал три полка десятой танковой дивизии. Танковый, артиллерийский и зенитно-ракетный.

Соответственно, в общеаге каждый полк занимал один этаж. Если брать снизу, то танкисты – на первом, «боги войны» – на втором, а ПВО* -поближе к своему полигону – небу, на третьем.

Все соседи по «кубрику» находились на службе. Заняв свободную кровать, не откладывая в долгий ящик, сразу же приступил к оборудованию повседневной формы одежды.

Очень быстро подошло время обеденного перерыва и в комнату стали сходитья соседи по кроватям. —

– Ооо! У нас новые люди, Валера, начальник склада ГСМ* Груздев! – бойко представился прапорщик и протянул руку. Я доложил в свою очередь, познакомились. Тут же следом зашёл второй житель нашего теремка. Рафик, начальник склада РАВ*, прапорщик Давлятшин. Я кратко доложил кто

я и откуда взялся.

Четвертый наш обитатель, как мне объяснили первые двое, повар-сверчѣк*, ночевать приходит редко и контактов с товарищами по комнате практически не поддерживает. В комнате образовалось сообщество из трех национальностей, два татарина, Рафик и повар, один русский – Груздев и я, украинец. Быстро собрались и вместе пошли в столовую. При входе в здание я тут же обратил внимание на барельеф, который красовался на фронтоне. Обнаженный всадник с факелом в правой руке.

Что означал этот символ, никто толком объяснить не смог. Но все поддерживали версию, что здесь и до прихода Красной Армии была столовая, только питались в ней офицеры «люфтваффе». Сели за один стол. Тут же подошла официантка, взяла у нас заказ и с меня деньги за месяц наперед. Меню состояло из двух – трех блюд первого, второго и третьего на выбор. Качество пищи вполне приличное. После обеда я продолжал заниматься своей формой.

Вечером пришел и четвертый зверушка в нашу норку. Да уж, это действительно, был татарин настоящий, классический. Мусульманского разливу, если все ранее мне встречавшиеся представители этой нации были штабными писариками, связистами с признаками интеллекта, то сей эк-

земляр совсем наоборот. При росте в сто семьдесят, весом за восемьдесят, возрасте двадцать один с половиною, широкое плоское лицо со скулами, выпирающими в стороны, ноздри, как дырки от бублика в плоском носу. Лоб шириною в два карандаша, волосы коротким ежиком, глазные щели, как будто прорезаны лезвием в двух вареных картофелинах. В них сверкают злобные глазенки. Верхние конечности ниже колен, нижние, как положено настоящему ковбою, свободно могут почесать друг дружку под животом лошади. Для завершения портрета -ни разу не стиранные рубашка и брюки с тех пор, как он получил их со склада. Жир с них не капал только по тому, что был крепко сцементирован грязью. Туфли, если их еще можно было так назвать, соответственно, никогда небыли знакомы ни со щеткой, ни тем более с кремом. Судя по всему его АЙ – -КБЮ* соответствовал уровню «гориллы». Халил, протянул он мне свою немытую от рождения, с нестриженными когтями клешню, отводя при этом узкие моргалки в сторону. Мне ничего не оставалось, как испачкать свою чистую ладонь об его лапу. После рукопожатия, ничего больше не говоря, натужно сопя, он вперевалку, как медведь, поплелся к столу. С собой он принес из столовой солдатский пятилитровый бачок полный жареной вонючей рыбы. Той самой рыбы, от одного вида и запаха которой может стошнить любого, кто ее наелся в течении первых месяцев службы. На довольствие в офицерскую столовую он, конечно, же не становился. В дальнейшем эту гадость тас-

кал в комнату регулярно. Как ни странно для меня, Груздев и Давлятшин с удовольствием присоединялись к его трапезе, особенно, если под водку.

Эта азиатская морда очень удивлялась, да еще и обижалась:

«Почему это я игнорирую его жратву.»

А еще у него была вредная привычка постоянно стрелять у всех одну, две марки, даже и не думая, когда либо их возвращать. Пишу это не

из – за предвзятости, в последствии этот индивид еще не однократно проявил свою непомерную тупость и глупость.

Приступаю к службе

Утром после завтрака я, бодрый, сытый и гладко выбритый, шел на службу. Погода стояла прекрасная, воздух чистый и свежий, середина июня. Впервые, в новенькой повседневной форме, под скрипящие звуки сапог и портупей. На мой взгляд, да и не только на мой, как оказалось, впоследствии, действительно, не хуже средневекового принца. Жаль только погоны без единого просвета* и фуражка без желтого шнурка*.

Все случайно идущие на встречу солдаты и сержанты активно мне козыряли. Эта ситуация в душе смущала и смешила одновременно, настолько это было непривычно. Не один подвох пришлось бы пережить, узнай они мой настоящий срок службы. На территории гарнизона, никто тем временем на нового прапора совершенно не обращал внимания. Скорее всего, наверное, потому, что три части находилось за одной загородкой. Можно было только вблизи различить, что околыш фуражки и петлицы хоть и черные, но они бархатные.* Ну, плюс еще эмблемы. А с учетом того, что народ беспрерывно тасуется, то и тем более, можно и месяц бродить по военному городку и никто тебя не спросит, кто ты такой.

Но в настоящее время я шел в ПМП, туда где меня уже

успели не только зафиксировать, но некоторые даже удивиться. Туда, где мне предстояло прожить, прослужить, провести одни из лучших, почти трех лет жизни. Захожу, на территории порядок. Поднимаюсь на крыльцо,

навстречу выскакивает мужчина, уже не солдатского возраста, в халате и с повязкой дежурного.

– Товарищ прапорщик! Дежурный по медпункту старшина Макаров! -бодро, с залихватской выправкой, рапортует он.

– Здравствуй, Макаров. Будем знакомы, Влад.

– Николай, – спокойно, но с признаками официальности, ответил он.

– Коля, давай на будущее без всяких формальностей, я не в таких высоких званиях и не настолько старый, чтобы мне выкали ровесники и старшие по возрасту. И передай пожалуйста это пожелание остальным прапорщикам и сверхсрочнослужащим.

– Хорошо, согласен, – оживился Макаров. Я интуитивно почувствовал, что передо мною мужик порядочный, армейская косточка, и не ошибся. Был он ниже меня ростом сантиметров на пять. Худощавый, жилистый и подтянутый. Лицо украшали чапаевские усы.

– Коля, а начальник где?

– Вот, вот должен подойти.

– Ну, тогда познакомь меня пока с коллективом медслужбы и с медпунктом.

– Пошли, вот они, красавцы, все перед тобой. В коридоре, на стульях, перед кабинетом начмеда сидело человек пять-шесть сержантов, старшин и прапорщиков. В основном, срочной службы, но были и сверхсрочники.

– Я прапорщик Озерянин, имя Владимир, между своими можно Влад. Прибыл к вам, с Крампницкого медсанбата на должность фельдшера медпункта.

Присутствовавшие смотрели на меня кто как. Кто-то с неподдельным интересом, что, мол за гусь. Некоторые с полнейшим безразличием, удостоив кратчайшего взгляда или вообще не удостоив такого.

– Кутмеров, твой тезка-Володя, санинструктор БУ и АР, первым протянул руку и представился низкорослый крепыш с густой, волнистой шевелюрой и пышными гусарскими усами, со старшинскими погонами.

– Иван, Махлай, – начальник аптеки. Протянул пухленькую кисть, моего роста, но с уже хорошо выраженным брюшком и плутовской ухмылкой на жирной роже, прапорюга.

– Санинструктор седьмой батареи, сержант Добренко, – вытянулся передо мною, длинный, но нескладный, с обильно усеянным угрями лицом в грязно-сером халате, медик.

– Постираешь халат, Добренко, и мне завтра представишь.

– Это не мой халат, товарищ прапорщик!

– Отставить пререкания, товарищ сержант. Чтобы я вас и кого – либо еще последний раз видел в грязном халате или форме, вы меня поняли?

– Так точно, товщ... прапщик, – глотая сопли, прошамкал последние слоги сержант.

Оставалось еще несколько сержантов срочной службы, но до них очередь познакомиться не дошла. Макаров в этот момент начал докладывать прибывшему начмеду. Старлей вырвав из-за угла, сверкнул стеклышками своих очков, и криво ухмыляясь, прокаркал:

– Здорово, куски! Проходите в кабинет.

Я удивился такому обращению, но все остальные приняли это, как должное. Прошли, расселись по, видимо, заранее определенным местам, потому что я, сев поближе к столу начальника, внес небольшую заминку. Но перечить никто не стал.

Совещание проходило по типу маленькой пятиминутки, с докладом меняющегося дежурного о состоянии дел за сут-

ки и с передачей дел новому заступающему. Затем постановка задач каждому присутствовавшему индивидуально. Через минут десять мы с начальником остались наедине. На заданные вопросы я доложил, как устроился.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите вопрос немного не по существу?

– Валяй.

– Как это вы сумели построить взаимоотношения с равным по званию начвещем, что он выполняет поставленные вами задачи, чуть ли не под козырек?

– Ха, элементарно. За ним столько грехов по службе, да и в личном, семейном отношении, что он готов мне сам сапоги чистить, лишь бы я молчал. Учись, Влад, у меня, присматривайся, авось, это тебе когда-нибудь пригодится. Ты же, как я понимаю, не собираешься в прапорах засиживаться?

– Вы угадали, Владимир Федорович, мечтаю поступить в медакадемию, но ведь это так не реально.

– А ты, главное, с мечтой не расставайся, и крест на себе не ставь. Служи примерно, веди себя скромно и прилично. Тебе ведь для поступления нужен стаж, три года, вот их и вытерпи, продержись. Я ведь и сам собираюсь поступать на командный факультет. Глядишь, мы еще встретимся, или в академии, или где –нибудь по службе в другом месте. Только ты об этом никому не говори, на хрена нам лишние разговоры. Когда он произносил эти фразы, было заметно, что говорил

это ради приличия или с бахвальства, но как оказалось, через приличное количество лет, разговор этот был пророческим. Мало того, я еще способствовал в какой-то мере и ему при поступлению в академию.

– Ну, Озерянин, мы сильно отвлеклись с тобой, это все лирика. Перейдем к суровым будням. Ты обратил внимание на то, что наш медпункт стоит на семи ветрах, проходной двор, а не медицинское заведение. А все из-за отсутствия забора между нами и столовой. Ты мою мысль улавливаешь?

– Так точно, его нужно построить.

– Вот ты его и построишь, это будет твое первое боевое крещение. Я давно жду, когда начальник ПМП этот забор построит, но понял, что не дождусь никогда, поэтому поручаю тебе.

Поможет сержант Пшенов на первых порах, он здесь все и всех знает. До сих пор исполнял обязанности старшины, а теперь будет твоим помощником. Правда, он на тебя обижается, но это делу не помеха. Вы по характеру должны сойтись. И еще раз напоминаю, мне твой подход к работе с личным составом по нраву, продолжай в том же духе. Дери их, как сидоровых коз, чтобы они от тебя шарахались, как черт от ладана. Ты, старшина подразделения, ты, целый прапорщик, и этим все сказано.

По штату в полку было порядка 10—12 должностей санитарных инструкторов батарей. Практически все они были укомплектованы, но должности фельдшеров дивизионов оставались вакантными. На батареях было несколько уже упоминаемых выше сверхсрочников, а в основном, сержанты срочной службы. При этом несколько человек имели фельдшерские дипломы, а остальные или с учебок* или доморощенные. Основная их масса круглые сутки околачивалась в медпункте. Да, своих штатных медпунктовских трое, да, постоянных энурезников* – неограниченное количество, личный состав, в основном, из них и состоял.

Медпункт сам по себе маленький, а народу в нем порой не продохнуть. Вот здесь я быстренько пробежусь по расположению ПМП, чтобы в дальнейшем к этому вопросу не возвращаться каждый раз. И так, две палаты, общей емкостью, примерно, на двадцать коек при необходимости. Обычно, больных лежало меньше. Одна палатка на две кровати под изолятор, а использовалась, в основном, для ночлега дежурного медперсонала. Кухонька, она же и столовая, пищу получали из солдатской столовой, а здесь только разогревали. Пост в коридоре за перегородкой, рядом кабинет стоматолога. Дальше аптека, кабинет НМС, перевязочная, напротив- физиотерапевтический кабинет, он же кабинет младшего врача полка. Дальше по коридору кабинет «неотложной помощи».

Поднимемся на чердак. Основная его часть пустовала, но не совсем, На натянутых шнурах висели рваные, грязные пропитанные мочой многих поколений энурезников, вонючие матрасы и одеяла. Даже дышать там было тяжело, практически невозможно, несмотря на проветривание. А в меньшей левой половине, находился медсклад «НЗ» и каптерка. На чердак вела деревянная, разохшаяся лестница. Над лестницей помещалось «гнездо вперед смотрящего». Там в дневное время постоянно сидел солдат, что-то по типу дневального, из числа все тех же ночных ссыкунов.

В его задачу входило наблюдение за появлением в поле зрения лиц командного и начальствующего состава. Под рукой у него была кнопка электрического звонка. Сигнал был выведен в кабинет НМС и на пост дежурному. Соответственно, при подъезде «Уазика» или подходе кого – либо из старших начальников, подавался сигнал, и начальник, если он был на месте или дежурный в его отсутствие всегда вовремя выскакивали навстречу с докладом. Чья это была выдумка, никто не помнил, но срабатывала почти безотказно и всегда положительно.

В течении последующих трех дней, я доказывал начальнику медслужбы, что в отличии от начальника ПМП не лыком шитый, то есть упорно строил забор. И построил. Забор

вышел вполне приличный, со всеми полагающимися к нему наворотами. И уже по собственной инициативе, под моим руководством солдаты сколотили ящик под мусор. Большую помощь в этой работе оказал сержант Пшенов и другие сержанты и солдаты. Это они, все тем же пресловутым хап способом нашли стройматериалы, и они его строили. Начальник остался доволен.

Вечером по моему составленному графику я заступал на дежурство по медпункту. Инструктируя, начальник напомнил, что строительство заборов и поддержание порядка в медпункте – это не основное в моей службе. Основное, это медицинская работа. Работа в перевязочной, процедурном и физкабинете, дежурства и оказание неотложной помощи, если она понадобится, а еще обеспечение стрельб и вождений, маршей и физподготовки, И это не все, в связи с отсутствием штатных фельдшеров, ты еще и внештатный фельдшер третьего самоходно-артиллерийского дивизиона.

Что это такое и с чем его едят, я растолкую по ходу службы. Пошли серые будни, разгар лета. Полк готовился к выходу в летние лагеря. Личный состав был на подъеме, летний выход в поле воспринимался всеми, как праздник. Я тоже воодушевился на новые впечатления.

– А ты не радуйся, – остудил мой пыл начальник. – Ты в лагеря не едешь. Немой вопрос возник у меня: «Почему?»

– Будешь ремонтировать медпункт.

Надежды на месяц службы в военно- лагерьном санатории сорвались не родившись.

Я впервые принимал участие в погрузке полевого военного имущества на транспорт. В штате медпункта был свой ГАЗ-66 с прицепом и УАЗ-452. Кузов и прицеп грузовика нарастили по высоте готовыми полами палаток. В образовавшийся большой объём поместились все относительно скудные полевые пожитки медпункта. Мелочевку из имущества и личный состав разместили в «санитарке». Чтобы добраться до полигона «Ютербог», им еще предстояла погрузка на платформы эшелона.

* сверчек (арм. сленг) -сверхсрочнослужащий.

* энурезник-военнослужащий болеющий ночным недержанием мочи.

*учебка- шестимесячная подготовка санитарных инструкторов в специальных учебных заведениях. (тоже касается и всех других военных специальностей).

* БУиАР- батарея управления и артиллерийской разведки.

Ремонт

Владимир Озерянин

см. фото: Так выглядит территория полка сейчас. Там где овальное кольцо, видимо разворот транспорта, был полковой медпункт и солдатская столовая.

Перед отъездом начальник проинструктировал меня в плане моей задачи по ремонту здания ПМП. Он хитро подмигнул мне и добавил:

– Во первых, ремонт косметический, а они, «команда выздоравливающих», маляры-штукатуры по образованию. Во вторых, насчёт материалов я уже договорился с кем надо, а солдаты знают, где их забрать

В – третьих, в твоём распоряжении аптека, а там стоит четыреста граммов спирта для оплаты расходов.

«Невелик бюджет, " – подумал я, но промолчал.

– Озерянин! Я уже практически все решил и сделал на девяносто процентов за тебя. Твое дело – присмотреть за солдатами и за общим ходом работы. Понятна задача?

– Так точно!

Скажу наперед, что все так и было. И наружные и внутренние работы были выполнены качественно и в срок. Спирт

ушел по назначению тем, у кого брали цемент, песок, охру, инструмент и прочую мелочевку. Да, мое присутствие было необходимо для присмотра за солдатами и общим руководством хода работ. Все это время я жил в медпункте, а питался, как обычно, в офицерской столовой.

За все это время никаких интересных вещей не произошло. Родным и знакомым я по – прежнему продолжал писать, как будто, со срочной службы, только вот номер полевой почты поменялся, мол, по неизвестной для меня причине. Я не хотел разглашать свою тайну до отпуска. Пару раз ко мне в медпункт наведывался НФС* полка. Он тоже, по неизвестным для меня причинам, остался на зимних квартирах. Приходил он в разведку насчет спирта, так как оказался большим любителем усугубить. Пришлось отбиваться водкой, заодно и познакомились накоротке. Он казался простым рубахой парнем и своим в доску, но, как оказалось, в будущем, только по отношению ко мне он поступил более-менее прилично.

Полк возвратился в целости и сохранности. Начальник походил, посмотрел, похмыкал. Ни замечаний, ни благодарностей по поводу проделанной работы не последовало.

– Это в его манере, – объяснили мне знающие. – Хорошо хоть без выговора.

Позже до меня дошло, что это была проверка меня на «вшивость», т.е. на самостоятельность в решении поставленных задач.

НФС*-начальник финансовой службы.

Желтый шнурок на фуражке

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Зам. командира полка перед строем прапорщиков. Обратите внимание на повседневные фуражки.

В полку и у нас в пмп молодое – свежее пополнение. В полк прибыли молодые лейтенанты. А в медпункт при-

шел новый фельдшер. Старший сержант сверхсрочной службы Николай Ткачук. Сверчек* перевелся к нам из инфекционного госпиталя. Там он служил срочную, там остался, но по неизвестной для меня причине был переведен к нам. Высокий, стройный, выше меня на голову, розовощекий. Винницкий хохол-красавец. Почему он ушел с идеального для службы фельдшером места, я его спросил, но он как – то невнятно ответил, и я не стал переспрашивать.

Остров Капут*, с ударением на «а». В переводе с немецкого-«голова». Небольшой островок посредине реки Хафель, протекающей через весь город. В центре Потсдама, и в то же время изолированный водной преградой. На нем давно немцы построили капитальные корпуса инфекционного госпиталя. Я возил туда пару раз солдат с подозрением на дизентерию. Очень уютное местечко. Половину острова занимает шпиталь*, вторую половину - католический монастырь. Вроде мужской, монахов не видел, но впритык с кпп госпиталя находился ихний костел. И мне довелось несколько раз с улицы послушать органную музыку. Впечатлило. А все кто там служил могли наслаждаться ею постоянно.

Молодые офицеры-артиллеристы шумною толпою заселились к нам на этаж. Дело было в субботу, после обеда. Я в спортивном костюме валялся на койке, смотрю, в комнату ввалилась орда. Они ходили всем табуном по кубрикам

и знакомились с жильцами. Мне тоже представились по очереди... л-т Гогель, л-т Репях, л-т Доброхотов... Я с интересом разглядывал их молодые, свежие, румяные лица. Пожимал руки и тоже представился. По имени. Они были слегка взволнованы, только что от командира полка. Представились тоже. Вижу, видимо, уже где – то по дороге или в комнате опрокинули по пару грамм. С неподдельным интересом разглядывали нашу суровую холостяцкую обстановку. Я краем глаза заметил, как лейтенант Доброхотов, метр с кепкой, скользнул глазами по верху наших шкафов. Там, выстроившись в два ряда, стояли наши повседневные и полевые фуражки. Полевые, соответственно, занимали второй, задний ряд.

– А... че, у вас на фуражках еще не сменили ремешки на шнурки? Так вроде здесь в ГСВГ наоборот должны были раньше всех обеспечить? -с недоумением спросил недомерок- летеха. Краткое отступление. В те годы на офицерских фуражках (как и сейчас) желто-золотой змейкой сверкал плетеный шнурок. А на фурах прапоров и прочих сверчков (и у солдат срочной службы) был обычный клеенчатый черный, плоский ремешок. Он раздвигался, и при необходимости (например при езде в открытом кузове автомобиля), его можно было переместить в область подбородка, и он удерживал этот головной убор от полета за борт. Офицерам в таких случаях было неудобно. Или придерживай ее руками

на голове, либо держи в руках и езжай на ветерке без головного убора.

Все дружно посмотрели на меня, затем на лейтенанта...

– Так это... это наверное фуражки прапорщиков, – неуверенно высказал предположение лейтенант Гогель. Все снова посмотрели на меня. Я молча кивнул. Новоиспеченные молча, дружно заторопились на выход из комнаты. Господам не о чем было больше говорить с плебеем. Вот такими деталями в форме одежды, специально подчеркивалось положение различных категорий военнослужащих.

Любому военному за несколько сот метров хорошо видно, кто именно движется ему навстречу. На мундире все расписано. Звание, род и вид войск, срок службы и т. д. И это очень удобно для всех, кто носит погоны. Все разложено по нишам и по полочкам. В армиях СНГ у прапорщиков теперь шнурок на повседневной фуражке тот же, что и у офицеров. Без разницы. Убрали «умные» головы один из стимулов для самосовершенствования.

Этот малозаметный, для постороннего ока инцидент засел в моем мозгу очередным неизвлекаемым шурупом:

«Надо учиться. Эх как много еще надо мне учиться, чтобы стать на одном уровне с этими зазнавшимися ровесниками.»

*сверчек- общая уменьшительно презрительная кличка всех сверх срочно служащих.

*шпиталь-госпиталь.

Быт

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Прабабушка стиральных машин, на службе

у советских военнослужащих.

Потихоньку осваиваюсь на новом месте службы. Завязываются знакомства среди молодых офицеров и прапорщиков разного возраста. Никто не удивляется, что я, вроде, как молодой еще для прапора... Просто никто и не интересуется, кто я и откуда взялся. Погоны и форма нивелируют возраст. Будь я даже с погонами капитана, все бы решили, что просто хорошо сохранился.

За небольшой период прапорщицкой службы скопилось с полмешка грязного белья и форменной одежды. Спрашиваю у бывалых:

– Как они выходят с этого положения.

– Да, никаких проблем, – отвечает прапорщик Гвоздев, начальник склада ГСМ*. «Высыпаешь свой мешок на пол и роешься в барахле. Среди сорочек ищешь ту, у которой воротничок почище и одеваешь. Так же поступаешь с трусами и носками. И так по кругу каждый раз, когда возникает желание сменить что – то на более чистое...

– Это такой армейский анекдот, среди холостяков. А если реально, – продолжает он, уже всерьез. – Зайди в умывальник. Там в углу стоит стиральная машинка. Купи стирального порошка или лучше попроси у наших химиков* и вперед...

Иду, ищу, нахожу. В углу относительно просторного умы-

вальника ютилось что-то похожее на деревянную кадку, но на подставке. Объемом минимум литров на тридцать, возможно, и более. На днище кадки – обычный «пропеллер», как и во всех более поздних поколениях ее сестер. Сбоку, снаружи возле дна, обычный электромоторчик, а рядом вижу какую-то овальную медную табличку. Присел. Читаю: «Waschmaschine* -1903год».

– Ну, ни фиги се! – самопроизвольно вырывается возглас удивления. Вот это старушка! 74 года. И жива, и работает? Да еще как исправно работает!

Как, оказалось, подобрана, как и все подобное на городской свалке, отреставрирована умельцами, и исправно служит уже не первый год на благо холостякам. Один шланг – из крана в бадью. Второй – от соска возле днища на слив. Рядом посреди пола решетка сточной канализации. Обычно для такой работы кооперировалось два-три соседа по комнате или этажу. Сначала нижнее белье, затем рубахи..и т. д. По нашим тогдашним меркам и нашим мужским понятиям, вроде все отстирывалось как надо. Проблема была снята.

Waschmaschine* (нем.) -стиральная машина.

ГСМ*-горюче смазочных материалов.

химики*-представители службы противохимической защиты. У них был порошок для дезактивации одежды. Отсти-

ривал любые загрязнения.

Патруль по городу

Владимир Озерянин

см. ФОТО: (извините за качество фотографии). Я с одним из патрульных, в центре города. И улицы-маршруты моего

патрулирования.

В полку жизнь была ключом, часто по голове, как любят выражаться в армии. В понедельник с утра меня ошарашили двумя новостями.

– С сегодняшнего дня ты исполняешь обязанности начальника аптеки, так как штатный уходит в отпуск, -озадачил меня на пятиминутке начальник. А через минут двадцать, когда я уже принимал аптеку и медсклад у прапорщика Махлая, прибежал посыльный со штаба и довел под роспись, что я сегодня заступаю в патруль. В аптеке для меня ничего нового и непонятного не было, это мы уже проходили в медроте. Правда, Иван заострил внимание на медсклад, особенно «НЗ*». Этот, если можно так выразиться, склад существовал под честное слово плохо информированных военных людей.

Представьте себе конуру на чердаке, отгороженную тоненькими листами фанеры в нахлыст, даже не скрепленными между собой, которые можно свободно сдвинуть без особых усилий даже младенцу. И бери себе кто желает, например, «ПРОМЕДОЛ», «МОРФИН» в шприц-тюбиках, «ЭФЕДРИН» в таблетках и тому подобное. Вот уж, действительно, наркомании в Советском Союзе не было. А те, что были, видимо, были плохо информированы о том, что имелось тогда на военных медицинских складах.

Сейчас ничего этого просто нет в наличии, поэтому я так свободно об этом пишу, не боясь рассекретить перед ордами наркош военные тайны.

– Влад, ты, главное, никому и никогда не говори, что на нашем складе имеется, и тогда ничего не произойдет. До нас он стоял, многие десятки лет и при нас, авось, все будет в ажуре.

Наперед забегая, скажу, что слава Богу, все обошлось. А я еще не один раз оставался за аптекаря.

Я НАЧАЛЬНИК ПАТРУЛЯ ПО ГОРОДУ

После обеда отдыхал перед заступлением в патруль по городу. Перед обедом нас, всех заступающих, проинструктировал начальник штаба полка майор Рыжков. После чего мы толпой пошли в ружейную комнату получать свои «ПМ»*. Затем более подробный инструктаж об особенностях службы в патруле я получил от бывалых. Судя по всему ничего сложного, а в какой-то мере наряд даже приятный. Так оно и было.

Комендатура находилась практически в центре города. От нашей части до нее около трех километров. Вместе с другими заступающими прибыл на территорию комендатуры к 18.00. Комендантом города Потсдам в тот период был полковник с грозной фамилией – Грех. Долго дожидались его личного инструктажа в подвале, там для нас была оборудована комната отдыха с кушетками – лежаками. Сюда же в подвал нам в термосах был доставлен ужин из столовой части.

Полковник Грех не соизволил проинструктировать нас лично. Вместо себя он прислал майора, своего зама. В восемь тридцать. Смысл всех официальных инструктажей сводился к тому, что мы патрульные, должны были задержа-

вать в городе всех без исключения военнослужащих и тащить в комендатуру. Не трогать только полковников и генералов, в каком бы состоянии они не находились, а наоборот, помочь им при необходимости и по возможности добраться туда, куда они попросят.

Особенно тщательно проверять питейные заведения по маршруту следования и извлекать оттуда советских военнослужащих, особенно кто в форме и немедленно доставлять их в «кпз» комендатуры. Обо всех иных происшествиях докладывать дежурному по гарнизону по прибытию с маршрута. Сразу же после официального инструктажа от опытных, я получил инструкцию более приближенную к реальности.

Первое и главное: никого из младших офицеров, прапорщиков и сверхсрочников ни при каких обстоятельствах не задерживать, потому что завтра сам можешь оказаться на их месте. Если будет необходимость и это будет в твоих силах кому-то, чем-то помочь, помоги. Попадутся

навстречу старшие офицеры, обойди, на худой конец сделай вид, что не заметил, дешевле обойдется. В кабаки, будучи в наряде, по той же причине, лучше не заходи.

Но Грех угрожает того, кто не задержит ни одного нарушителя, самого посадить на пару суток в камеру. Ну, это че-

пуха, он еще ни кого не сажал за такую мелочь. А на худой конец есть такой выход. В гарнизоне сколько дивизий? Правильно, две. А еще куча отдельных спецчастей. И одна из них не наша, а недлитцкая. С тех пор, как мы оказались в одном гарнизоне, с тех пор в этом отношении между дивизиями существует негласная борьба, можно даже определить, как вражда.

И если ты удержишь в непотребном виде военнослужащего «вражеской» дивизии и сдашь в комендатуру, спасибо тебе никто не скажет, но и понукать не станут. Они в отношении «наших» поступают эдентично, т. е. без зазрения стыда и совести, задерживают, сдают и сажают. Если без этого, конечно, нельзя обойтись по- другому. Своя шкура ближе к телу.

В конечном итоге, все равно выигрывает служба гарнизона, комендант и армия в целом. Потому что мы, в основной своей массе, боимся выходить в город в военной форме одежды, а если и выходим, то поневоле побаиваемся, и сдерживаем себя от большинства вольных поступков. Поди, угадай на кого нарвешься...

Итак, будучи всесторонне проинструктированным, выхожу на заранее определенный маршрут. Мне в придачу выделено два сержанта срочной службы из нашего полка. Итого,

нас боевая тройка. Мы вооружены. У меня пистолет Макарова с двумя обоймами боевых патронов, у сержантов на правом боку свисают штык-ножи. Маршрут с моей точки зрения достался привилегированный, в самом центре города. Торговая улица, это по – нашему, а по- немецки она называлась имени Клементя Готвальда.

Прямо не служба, а турпоход по экзотическому городу, особенно, если учесть что я в нем, еще ни разу толком и не был, И не только в городе, а и за границей вообще. Идем по тротуару треугольником. Я впереди, бойцы по бокам на шаг сзади. Форма на всех новенькая, наглаженная. Обувь, сапоги надраенные, аж сверкают под светом уличного освещения и рекламных огней.

Вся улица отдана пешеходам, транспорту проезд запрещен. Время вечернее, мы должны патрулировать до двадцати двух, а затем в часть и снова на маршрут к девяти утра. Улица относительно не длинная, около километра. Первое, что поражает, это, конечно, пресловутая чистота и порядок. Второе, это не привычный нашему глазу готический стиль архитектуры средневековых строений. Народа в вечернее время на улицах немного.

В одном конце, т. е. для нас по ходу движения в начале улицы расположена площадь Наций с красивой аркой

Бранденбургских ворот. В противоположном конце – кирха с башней в готическом стиле. В ней, якобы, по легенде наших старожил и знатоков, была одна из точек для встреч незабвенного Штирлица со своими связными.

Все очень красиво и интересно. Рты у нас от впечатлений, видимо, вообще не закрываются, но мы этого не замечаем. Ах да, мы же здесь не на экскурсии. Фу ты черт, совсем забыли, что нам нужно отслеживать потерявших стыд и совесть, своих же сослуживцев. То бишь советских граждан, которые своим недостойным поведением могут уронить гордое имя великих строителей коммунизма.

Но проходя мимо гаштетов, (немецких кабаков), мы проходим мимо. И внутрь не заглядываем. Зачем нам лишние проблемы? А на самой улице наших, чевой-то не видать. А уже пора поворачивать в обратную сторону, время цигель-цигель, то есть, в обрез, как говорят немцы. Отдых в общаге, завтрак в своей столовой и в девять ноль-ноль снова на маршруте.

О-о! Как много народа в этом городе. Мы движемся по тротуару, как торпеда, я ее вершина. Мы никому дорогу не уступаем. Встречные нас обтекают, как волны. Мы здесь кто? Правильно. По-бе-ди-те-ли! Хо-зя-е-ва. Так им и надо, этой немчуре, особенно Потсдамской. Попили нашей крови.

Говорят, Гитлер гулял по этому городу без охраны, так они его здесь любили и уважали, у-у-у гады.

– Товарищ прапорщик! Разрешите обратиться? – это сержанты в один голос.

– Да! Разрешаю, потому что и сам того желаю. Пошли. Витрины с незнакомыми, диковинными товарами еще со вчерашнего вечера манили и притягивали к себе глаза и тело. А накопления давно и приятно оттягивали карман. Но если сержантам срочной службы удача побродить по магазинам улыбалась крайне редко, то я теперь мог себе позволить это удовольствие в любое время.

Поэтому они сразу же набросились на незамысловатые товары по размеру своих кошельков, а я пока решил провести разведку. По нашим голодным советским меркам прилавки были завалены разнообразными и качественными товарам. Первым торговым объектом стал трехэтажный универмаг, на нашем советском сленге он почему-то назывался «ХАО». Этот магазин, вроде как, считался государственным, а остальные мелкие, которые занимали все первые этажи зданий на этой улице были ч-а-с-т-н-ы-ми!

А в этих «лавках» чего только не было, глаза разбегаются. Особенно всякой мелочёвки, которой у нас днем с огнем не сыщешь. Двумя словами «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕН-

НОСТЬ». Для нашего, непривычного к подобным словам, колхозно-совхозного уха, это было что-то из области фантастики. Где это видано, чтобы в середине семидесятых годов, в стране, входящей в социалистический лагерь, была, пусть и мелкая, но частная собственность.

Нам в союзе никто, никогда официально ни в школе, ни в других учебных заведениях, вслух о таких неслыханных вещах не говорил. А непосредственно здесь, в Германии на политзанятиях, замполиты нехотя, сквозь зубы невнятно полупшепотом мямлили о какой-то немецкой, польской и венгерской специфике построения социализма.

И даже о таком грехе, как многопартийность. Нам постоянно талдычили замполиты, о том что эта мелкая частная собственность не играет значительной роли в общегосударственных масштабах этих стран. На вопросы, а почему у нас в союзе отсутствует такая «ничего не значащая» собственность, обычно кроме угроз и мата больше ничего услышать от комиссаров было невозможно. Да мы и сами все прекрасно понимали, и пеняли только на судьбу что родились не в свободной стране, а в соцЛАГЕРЕ.

Такие вот рудименты капитализма, отсутствовавшие в родной стране, но дающие массу преимуществ аборигенам, роем вопросов жужжали в голове. А ответы, которые напра-

шивались, звучали шаблонами: «Зато мы первые в космосе; У нас самые лучшие танки; Мы самая большая страна в мире по территории... и-и-и». Но эти ответы были какие-то, как будто кастрированные, что ли. Вроде, как и все у нас есть, но чего, то не хватает, души что ли?

Такие вот «крамольные» мысли, одолевали мою двадцатилетнюю комсомольскую голову, возле прилавков чужеземных магазинов. Но как, оказалось, через примерно десять-пятнадцать лет, далеко не одну мою.

Ну, а сейчас немедленно на маршрут, военному думать не положено. За него думают вышестоящие командиры и начальники. Нам нужно вылавливать своих собратьев по оружию. Конец августа, жара. В кителе с портупеей, душно. Пистолет в кобуре оттягивает ремень справа от пряжки, кажется, что он уже весит минимум килограммов десять, а фуражка, а сапоги.

«Господи, ну кому нужна эта служба? "-задаю я сам себе глупые вопросы, не ожидая на них ответа.

«Терпи, – говорит мне сурово внутренний голос, – ты же собрался посвятить себя целиком армии? Сними фуражку, утри платком пот со лба, протри околыш и вперед, можно без песни.»

Находим зеленый скверик с фонтаном, с прохладой, и ки-

оск с лимонадом. Отдыхаем, красота! Ноги гудят с непривычки, но потихоньку отходят.

«Так где же нарушители? Где эти тайные предатели, которые так и норовят чтобы опозорить нашу священную Родину? Нет, нигде не видно, наверное, где –нибудь попрятались. А не пройтись ли нам по гаштетам, может они там сидят?»

Поднимаемся и заходим в ближайший, нет, здесь русским духом не пахнет. А кабак, как кабак, и покруче видали. Идем в следующий. Я смотрел на карте города в комендатуре, там их, этих кабаков, помечено индикаторами около полторы сотни. На семисотенный город по нашим меркам, очень много.

Интересная план-карта города висит у дежурного по гарнизону. Включаешь тумблер и зажигаются лампочки, которыми помечены все гаштеты и рестораны, работающие до одиннадцати вечера. Следующие до трех ночи, и третий тумблер высвечивает заведения работающие до утра. А скорее всего круглосуточно, таких около семи. Заходим в следующий.

О- о-о! сидят наши гаврики, и даже в форме, еще и нам машут рукой, приглашают к себе. Нет-нет машу им в ответ, не заходя в зал. Мы, мол, на службе и нам низ-зя. Они в ответ разводят руками, ну, мол, смотрите сами, наше дело предложить, а ваше... А кто сидит за столом – то? Ведь в прямом

Смысле – наши.

Как в той песне. "В строю стоят советские танкисты».. Начпрод*, начвещь* начальник ГСМ*... Все из нашего полка, похмеляются. На столе гроссбир* и пустые дупли из под ЛУНИКОФФа*. Мы поспешно покидаем и это «благопристойное» заведение. Своих трогать ни в коем случае нельзя, табу. Время тринадцать-тридцать, пора в комендатуру, щи похлепать.

Мои помощники идут с переполненными, яркими польскими* пакетами. Понабрали всякой дефицитной в СССР мелочевки, типа одноразовых зажигалок, кусачек для ногтей и ярких коротеньких китайских полотенец. Подарки! Для родни и друзей, в размерах сержантского оклада. Очень короткая память о пребывании в гедээровском «раю».

Обед, одно название. Перекур и на маршрут. Красоты столы прусских королей уже не прельщают, ноги устали таскать мокрые от пота сапоги. Домой, быстрее в родную общагу. Перекусить и в кроватку. Хороший наряд патруль по городу, но если бы часа три – четыре, но не сутки. В пмп лучше.

Через сутки заступаю дежурным по медпункту. У всех дежурных медиков в частях, помимо чисто медицинских

обязанностей, есть еще одна – профилактическая. Конкретно, это проверка санитарного состояния, в первую очередь, в солдатской столовой и качества приготовления пищи в ней. Это очень ответственное мероприятие в плане сохранения здоровья личного состава части.

В войсках с седых времен в каждом подразделении с этой целью держали козла. Приготовленную пищу сначала давали попробовать ему. Если он не отказывался и ел ее, это уже был большой плюс кашевару, а если он в течении получаса после пробы еще оставался без каких-либо болезненных признаков и живой, тогда за эту еду принимались и солдаты.

Его так и называли – козел отпущения. Но развитие военной науки на месте не стояло. Оно с тех пор шагнуло далеко вперед. В частности, в военной медицине, козла отменили, как средство устаревшее и не достоверное. И возложили эту задачу на медперсонал, а чтобы медику в случае чего – либо не было грустно, то на пару с ним опробовывать пищу и дежурного по части пристегнули.

НА*-начальник аптеки.

НЗ*-неприкосновенный запас.

ПМ*-пистолет Макарова.

начпрод*-начальник продовольственной службы.

начвещь*-начальник вещевого службы.

начальник ГСМ*-горючесмазочных материалов.

гроссбир*-большое пиво.

луникофф*-одна из марок гэдээровской водки.

польские пакеты*-обычные по размеру, целлофановые пакеты. Но с очень яркой рекламой. Например женские попы туго обтянутые джинсами «монтана». Поляки спекулянты продавали их нам, советским по 5! марок, штука. Это полтора рубля. Немцы у них такую мутоту не покупали, брезговали. Для наших папуасов, это была диковинка.

Посещение прежнего места службы

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:1.Здание медроты, вход в приемное отделение.
2.слева направо-?,второй С. Пятаков, третий Е. Лимонов,
четвертый Г. Кондратенко, крайний В. Маловичко.3.Офице-
ры, слева направо-капитан В. Гайдунко, ст. л-т А. Ульрих, к-

н Г. Уткин, ст. л-т.Р.Дусалиев.4.Наша ротная достопримечательность. Немецкая Аленушка с братцем Иоганнушкой.

На ближайшее выходное воскресенье я наметил поездку в Недлитц. Хотя это и не родина, но тянуло сильно. Не смотря на тяжелые воспоминания, хотелось взглянуть на места моих первоначальных «боевых» действий. Предупредил начальника и утречком после завтрака выехал. Минут через сорок я уже пересекал кпп артиллерийской дивизии. Снова трепетало, как загнанная лань, мое сердце. Столько воспоминаний нахлынуло. В первую очередь хотелось увидеть своих однокашников, Мартынюка и Кохтюка. И чего греха таить, хвостануть перед ними своим новым прикидом. Да и перед всеми остальными.

Жаль, что уже не было в медроте ни Шершнева ни Доша, ни Лисовича и ни Шота. Зато был мой крестник Миша Иванов, и заклятый друг Лимонов. А еще отцы родные, Сукинцов и Феоктистов. Были и действительно, уважаемые офицеры, Аббасалиев и Гайдунко. Переступаю вроде как вчера оставленный порог медроты. На тумбочке стоит совершенно молодой, мешковатого вида солдат. Отдает мне, судорожно прижимая кисть к виску, честь и представляется: «Дневальный по роте рядовой Онопко, разрешите узнать цель вашего прибытия?».

– Мне нужен старшина роты прапорщик Сукинцов, -спрашивая у него, одновременно отдаю ему честь. Черт побери, как быстро бежит время, на тумбочке еще царапины нанесенные моим штык-ножом не закрасили, а я уже посещаю свою роту в совершенно ином качестве.

– Старшина находится в своей канцелярии, товарищ прапорщик!

Ну, это место мне знакомо. Дверь в ротную канцелярию, как всегда при Сукинцове, раскрыта настежь.

– Кто там меня спрашивает?

– Прапорщик Озерянин вас беспокоит, Семен Петрович, – стоя в дверном проеме, рапортую я.

– К-т-о-о-о!?! – в очередной раз за прошедшие несколько месяцев слышу я крайне удивленный голос. Он поворачивается ко мне анфасом из положения в профиль.

– Я не понял, как это ты уже прапорщик?

Он встал и быстро прикрыл за мною дверь, одновременно пожимая мне руку.

– Ты случаем не к нам для дальнейшего прохождения?

– Не волнуйтесь, Семен Петрович, сюда я больше не вернусь, вот только разве что в качестве гостя...

– Ну, присаживайся, расскажи как это можно через всех перескочить и через год срочной стать аж прапорщиком.

Я вкратце ввел его в курс дела. Он при этом багровел аж

до синевы, ерзал задницей на стуле и было видно, что верит мне с трудом. Видимо, больше полагаясь на то, что я воспользовался каким –нибудь блатом.

«Эх, с каким бы удовольствием он загнал бы меня сейчас в подвал протирать пыль или грузить мусор или драить туалет.»

– Так ты, говоришь, в гости? Надолго, интересно?

– Да, нет, так на часок-второй.

– А... ну хорошо, давай, отдыхай.

Я вышел в коридор, первыми встречными знакомыми были два ефрейтора, Пятаков и Болотов.

– Ох, ну ни фига себе, кого мы видим! Влад, ты что, это правда? – не верили они своим глазам.

– А ну, давай, рассказывай, где это прапоров так быстро клепают.

– Ну, мужики это большой секрет, и это по очень большому благу. Но если кто надумает, подходите, пошушукаемся. А вообще собирайтесь в курилке, я сейчас подойду и со всеми сразу и поговорим.

И побежал дальше.

Но это получалось не так быстро, как мне бы хотелось. На встречу шел дежурный по части прапорщик Руфьев. На его лице блуждала хитрая ухмылочка. Дескать, вот и еще один попался в армейские сети. Он раскрыл мне навстречу

объятия.

– Кого я вижу! Влад, ты ли это?!

– Товарищ прапорщик! Новоиспеченный прапорщик Озерянин прибыл в гости в родную часть.

Руфьев крепко сжал меня в объятиях, затем отошел на пару шагов назад, скептически прищурившись.

– Вот это новость! Как это ты умудрился?

– Петрович, заходите через пару минут в курилку и я все всем сразу расскажу.

– Хорошо, жду, беги дальше.

Следующим по маршруту объектом было приемное отделение. За столом с повязкой дежурного фельдшера восседал Боря Кушнир.

– Владик!?

Картина встречи начала повторяться снова и снова.

– Боря, дуй в беседку, я сейчас подойду.

Сам по лестнице рванул наверх. Нужно было позвать Степу и Васю.

Но я не смог пробежать мимо и не заглянуть на такой дорогой для воспоминаний объект, как госпитальная столовая. Открываю дверь посудомойки. Бог ты мой, кого я вижу склонившимся в дугу над посудомоечной ванной! Сам, его московское величество Лимонов! Проливает пот над закопченными бачками. Реагируя на звук открывающейся двери,

он медленно поворачивает голову в мою сторону, нехотя отрываясь от труда и стряхивая обильно выступивший на лбу, вперемешку с паром пот, левой кистью.

Кого угодно ожидал увидеть в сию минуту перед собой недавно переведенный в дедовскую категорию ротный стукач, но только не меня. Да еще за столь «позорным» для его новой категории занятием, да еще передо мною и в таком новом, непонятном качестве. Нижняя челюсть в прямом смысле у него поехала вниз, обнажая кривые, напрочь испорченные кариесом зубы. Из угла рта потекла густая, не замечаемая им струя слюны.

– Озеллянин, ну вот, ты уже ччелльовеком стал. А я здесь, как проклятый, как моллодой втолой год ишаччу, – прогнусавил он, рефлекторно засасывая слюну обратно в рот. Очень хотелось мне сказать ему в ответ: «Так тебе, козел и надо», но как всегда сдержал в себе все накопившееся за год общения с лимоноподобными. Вместо этого из себя выдавил только:

– Терпи, Лимонов, не долго уже осталось.

Он еще что-то пытался плакаться на жизнь но я уже его не слушал, торопился, а он мне был совсем неинтересен. Как и всегда любой поверженный в прах враг. Мое самолюбие на этом этапе было удовлетворено сполна. Пробежав

по отделениям, встретил Толю Максимчука, затем Харламова и Кохтюка и с оперблока вызвали Мартынюка. Всплеску эмоций не было предела. По ходу объятий, рукопожатий и плесканий по плечам, Степа, как всегда по деловому, шепнул мне, что после перекура в беседке в узком кругу встречаемся у него в оперблоке.

Всей гурьбой двинулись на улицу в курилку. Там уже понабежало народу. Весь наш призыв водителей, и не наш тоже. Правая рука у меня уже была напрочь отдавлена, спина переломлена, а любимые и не очень сослуживцы все подходили и подходили. Великаны Рогуля и Бабаков, Чкадуа и Харламов, толстые Абашидзе и Барсукевич, ростом ниже среднего Пятаков и Маловичко, вечно угрюмые Болотов и Максимчук, обезьянеподобный Кондратенко и зеленорожий Кузьмин и многие другие.

Все наперебой галдели на тему моего прибытия в роту и чудесного превращения в прапорщика. На все вопросы: «Ну, что ты, как ты, где ты, кем ты?», по возможности кратко и доходчиво ответил. В свою очередь порасспросил, что тут, за время моего отсутствия, нового у них. Особых новостей не оказалось, и затем разговоры потекли в своем обычном русле. А мы своей компанией потихоньку, поодиночке, просочились в предбанник оперблока.

Здесь Степан уже вовсю накрывал стол, проявив при этом не абы какие способности. Принесенная мною с собой бутылка «БЕЛОГО АИСТА» затерялась среди изобилия закусок и своих сестер, бутылок, под разнообразными другими этикетками.

– Хорошо живете, как я погляжу, -оценил я стол.

– Стараемся, как можем, -ответили мне хором. За столом собрались Мартынюк, Кохтюк, Кушнир, Максимчук и я.

– Больше достойных нет, присутствовать за этим столом? -спросил я.

– А они нас на свои мероприятия не приглашают, -ответил за всех Вася Кохтюк, а остальные молча подтвердили. Посидели хорошо, поговорили обо всем и более. Я узнал, что жизнь и служба у них сейчас просто райская. Никто их не прижимает, особого контроля также нет. Свои функциональные обязанности все, конечно, выполняют, но при наличии молодого пополнения, это совершенно не в тягость. Все дружно сожалели, что я ушел из роты так рано и не увидел света в конце туннеля. И одновременно завидовали моей, почти свободной, по их понятиям, жизни.

Из разговора я уяснил, что все без исключения после службы собираются поступать в мединституты

– Ну, а ты?

– Ну, а я, мужики, попробую сразу в военно-медицинскую

прорваться, а если не получится, то сгину в прапорах.

– Ну, не так уж тебе и плохо гнить при двух окладах, – возразил Максимчук.

– Это еще когда мы начнем зарабатывать такие деньги. Да ты к тому времени уже озолотишься, – резюмировал Кохтюк. Степан передал мне пачку писем, которые накопились за это время.

За окном уже наступали сумерки. Я еще раз уточнил друзьям, как ко мне доехать в часть, потому что Вася и Степа заверили, что обязательно меня проведут. На улицу просочились снова порознь, а там всей ватагой проводили меня до кпп. Расставаться было грустно, но ничего не поделаешь. Больше мне на территории недлитцкой дивизии бывать не доводилось. А Кохтюк с Мартынюком, действительно, меня проводывали один раз, но это уже отдельная история.

Дела сердечные...

Владимир Озерянин

см. ФОТО:1.я с женой.2. мы с соседями. 3. дом в котором мы жили. балкон по середине, «наш».

Что – то мне подсказывает, что пора поговорить о делах сердечных. Весь период срочной службы и по сей момент я поддерживал регулярную переписку с одной девушкой по имени Валя, с которой познакомился в период учебы в училище. В те времена, когда ни в каком лексиконе не было слова «мобильник», тяжело было солдату. Да, еще и за двумя границами. Писем все ждали, как манны небесной. Почтальон был самый уважаемый человек в подразделении.

Но теперь границы моего горизонта значительно расширились. С городского немецкого телефонного узла, заплатив 50 дойчемарк за 10 минут разговора можно было поговорить с любим абонентом в Союзе. Чем я и воспользовался в ближайший выходной. Интересно было в первый раз проследить за соединением по всей линии, потому как было слышно работу телефонисток, уже по территории СССР.

«Соединяю, вызываю город N, на проводе Германия, ... возьмите трубку, вы будете говорить с Германией? – и все так громко и торжественно, прямо сам себя начинаешь уважать.

Ну, и вот, наконец, слышу взволнованный родной голос... Но я же все еще и от нее в том числе держу в тайне свое перевоплощение.

Говорю, что в увольнении, в город... с помощью знакомых офицеров ...удалось позвонить и т. д. Напекаю ей, что если она сильно пожелает, то я могу так устроить, что и она побывает здесь. Валя, естественно, не понимает о чем речь. Поговорили о том о сем, вспомнили общих знакомых, смотрю, а время тью- тью, десять минут это так мало.

Ну, что же, продолжаем изощряться в эпистолярном жанре. Пишу письма, там можно не торопясь все изложить.

В нашей медслужбе тоже есть женщины. Врач- стоматолог. Служащая СА Томила Васильевна. Красивая женщина под сорок. Жена прапорщика. Для женщин, проживающих в ГДР с мужьями это огромное счастье – иметь стабильную, постоянную работу. Это значит, что семейный бюджет довольно солидный. Томила пользуется спросом среди мужчин, но для меня уже ее возраст не позволяет даже думать о чем – либо таком. В те времена даже Алла Пугачева была ее моложе, а такие, как Киркоров с Галкиным спросом еще не пользовались.

Вторая девушка, чуть за тридцать. Люба Куликова. Фельдшер- лаборант. Тоже служащая*.Симпатичная, замужем за вольнонаемным*.Ее муж специалист по холодильным установкам. По – моему, она любила мужа, и на других внимания не обращала.

При гарнизонном госпитале было целое женское общежитие. С огромным штатом незамужних медсестер. Как то прапорщик Гвоздев уговорил меня проведать его знакомую в этой общаге. Собирался я долго. Можно сказать, впервые в гражданской форме одежды за почти полтора года. Чувствую себя не в своей тарелке. Наконец, выбрались вечером и посетили. Обычная казарма-барак. Перегородками разделенная на множество комнатушек. В каждой клетке по три-четыре железных кровати. Зашли в одну из комнат. По проживанию в общежитии медучилица я имел уже кое – какой опыт общения с проживающими в подобных муравейниках, но и здесь тоже основная масса фемин были старше меня.

В этой комнатке мы застали четырех, но все они уже куда-то собирались. Чистили и подкрашивали перышки. Мы поздоровались. Девушки ответили невпопад, и без особого интереса. Так, вскользь, небрежно прошлись по мне своими гляделками и мгновенно оценили. А Гвоздева они уже знали. Я догадывался, что это уже многоопытные дамы. Зная моего напарника, они понимали, что офицер с прапорщиком к ним в гости не заглянет. В лучшем случае, такой же прапорщик. Поэтому и интерес их был минимальным. А я на какой-то конкретный контакт с первого раза и не рассчитывал.

А по сему относился к этому визиту чисто как к ознако-

мительному. Для посещения ближайшего ресторана (гашета). Трое из проживающих уже упорхнули из комнаты. А знакомая Гвоздева была почти собрана. От общаги до кабака максимум метров 150... На жаргоне русскоязычного населения Потсдама, заведение куда мы направлялись называлось «Яма». Я тогда еще не читал произведений Куприна, а потому аналогии не просматривал.

С подобным архитектурным сооружением ни до ни после встречаться больше не приходилось. Представьте себе, снаружи строение по типу киоска. Вывеска и дверь. Входим, сразу за дверью начинается широкая винтообразная лестница ведущая на глубину до 20 метров в зал на дне заведения. Самая натуральная яма, но очень оригинально оформленная. Дно, примерно, 70 метров квадратных. Столы, подиум для музыкантов. В стенах двери в подсобные помещения. Полумрак. Ненавязчивая музыка. Спокойная, предрасполагающая к интиму обстановка.

Но столы еще стоят и в нишах вдоль самой лестницы. Один из них, как раз посередине ее, мы и заняли. Получилось так, что дно ямы мы смотрели с половины ее глубины. Мгновенно появилась официантка, и вручила нам меню. Мы в свою очередь предоставили возможность выбора нашей даме.

– Мальчики, вы кушать будете или так закусить? – спрашивает нас подруга моего друга. Видимо, по причине того, что уже было время ужина, но мы решили отобедать по полной. Ну, я- то был вообще впервые в немецком ресторане, а мои спутники уже не впервой. Но почему то все приняли решение заказать первое и второе. Плюс, бутылку сухого венгерского вина. Кельнер*без тени смущения принял заказ, а мы продолжили болтать ни о чем. Я при этом рассматривал экзотическую для меня обстановку.

Под медленную музыку танцевали одинокие пары в зале. Почти все столики были заняты. Вдруг я заметил, что головы практически всех присутствующих повернулись и смотрят в нашу сторону.

«Что такое?» – начал и я оглядываться. Вижу, к нам поднимается официант с огромным подносом. На нем стоят все три тарелки с борщом и три по меньше с отбивными и гарнирами. Посредине подноса- башня бутылки и горка хлеба. Вся публика отслеживала, кому это несут такой гросс*заказ. И только когда поднос коснулся нашего стола, все дружно отвернулись, потому что они убедились, это слава Богу – русские, а не немцы собрались так обильно ужинать.

Вино разлили по высоким фужерам простого стекла. Напиток мне понравился. Очень нежное белое сухое вино. Выпили, закусили. Покурили. Товарищ предложил даме потоп-

таться внизу. Но так как начался какой-то быстрый танец, то меня потащили с собой. Размялись. Вернулись за столик и снова усугубили. На медленный танец Боря ушел со своей товаркой, а я снова сосредоточился на созерцании чужого для меня мира. Но при этом обратил внимание, что за соседним столиком ситуация была противоположная нашей.

Там сидели молодые, примерно, моего возраста немцы. Девочек было двое, а пацан один. Парень тоже танцевал со своею пассией, а вторая откровенно скучала. И регулярно бросала взгляды в мою сторону. Немка была моложе меня года на три-четыре. Очень симпатичная и стройная, но я боялся ее пригласить. Нам ведь строго – настрого было приказано в контакт с местным населением не вступать! Так я и промучился весь вечер, не решившись на контакт. Где-то после двенадцати, Гвоздев созрел на провожание подруги домой. Мы вышли на улицу и разошлись в разные стороны. Они в общагу, я в сторону части.

Надо заметить, что госпиталь и этот гаштет-ресторан были на высоком холме. И мне нужно было спускаться вниз к перекрестку (пять углов) вдоль глухой кирпичной стены госпитального забора. Все улицы и тротуары были ярко освещены. Тротуары мощеные, как и везде, брусчаткой. Народу ни души. Конец августа. Ночь. Тишина. Духота. Вдруг слышу за спиною цокот женских каблучков. Остановился, при-

смотрелся. Никого. Иду далее, снова тот же звук, только чаще и ближе. Уже спустился к перекрестку. Жду. Шаги замедлились, и из тени от столба на меня выходит... моя знакомая по соседнему столику.

Улыбается. Подходит ближе.

– Здравствуйте, – произносит с акцентом она.

– Привет, -как можно спокойнее и вежливее, отвечаю я.

– Я весь вечер хотела к вам подойти, но стеснялась... Я правильно произношу слова? – довольно сносно начала говорить немочка.

– Да, да, я это тоже заметил. А говорите вы правильно. Я тоже хотел пригласить вас на танец... Но вы ведь наверное знаете...

– О, ja-ja*..я знаю.., вам нельзя с нами общаться. Но вы были так одиноки в этот вечер. Вы руссьишь офицер, так? – с милой улыбкой то опускаая, то поднимая опала ресниц, спрашивала она.

– Да, офицер. – краснея ответил я.

– Меня зовут Гретта, – протянула девушка мне тонкую ладошку. – А вас?

– Влад, Вольдемар, – произнес я, легонько пожимая ее пальчики. Сердце мое стучало, как в бубен.

Я уже почти полтора года не прикасался к женским рукам. И при этом мы стояли на самом освещенном месте перекрестка. Я уже давно начал посматривать по сторонам, что-

бы хоть в какую – то тень отойти. Ведь я всерьез тогда верил, что, если кто – то застучает на месте «преступления», то на этом моя служба закончится.

Словно угадав мои потаенные мысли, Гретта заговорила:
– Влад, я предлагаю проехать ко мне в гости.

Я оторопел.

– Мои родители вчера уехали в двухнедельное турне по Европе. Я дома одна. Можем продолжить вечер... без помех. Я сейчас возьму такси...

Видимо, поняв мою нерешительность, она стала брать инициативу в свои руки.

– А где ты живешь? – спросил я.

Она назвала улицу в новом микрорайоне. И при этом добавила, что учится в 11 классе какой- то специализированной школы.

– Гретта. Я очень бы хотел поехать к тебе. Ты мне сразу понравилась. И я не прочь завязать дружбу, но мне завтра очень рано на службу, – начал я юлить и изворачиваться...

– Ах как жаль. Может ты меня хоть проводишь до дома? – потупила она глазки, а у меня перед глазами мелькали разные картинки из фильмов о шпионах.

«Она заманит меня к себе, а там... Шпионы из ФРГ».

– Нет, нет, сегодня никак не могу... Давай в следующий раз. Дай мне свой номер телефона.. Я позвоню как только

освобожусь от службы.

Она быстро достала из сумочки ручку и блокнотик. Чиркнула номер. Я положил листок в бумажник. И в этот момент, как по заказу мимо проезжало такси. Мы дружно замахали руками. Я открыл дверцу... Гретта чмокнула меня в щеку и запрыгнула внутрь.

Прячась по- шпионски, и боясь подойти к телефонной будке, звонил ей спустя пару недель несколько раз из телефонных автоматов. Трубку постоянно брали мать или отец. И я так и не решился на своем ломаном немецком попросить Гретту к телефону. Долго ее вспоминал. Знай мы тогда, что какой – то плешивый Ставропольский комбайнер развалит великий и могучий в одночасье, совсем бы по другому себя там вели. А потом время и другие события притупили чувство.

*служащие, вольнонаемные СА-гражданские лица, работающие в армии по найму.

*кельнер-официант.

*гросс- (нем.) -большой.

*О, ja-ja- (нем.) -О, да-да.

Усатый нянь

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:1.Так я выглядел тогда.2.Улица по которой находилась наша часть.3.Один из (ДОСов),где проживали семейные офицеры, прапорщики и сверхсрочнослужащие.

– Влад, зайди ко мне, – в несвойственной ему манере, непривычно мягко, позвал меня начальник.

– Есть! -ответил я, заподозрив что-то новое в обращении начальника по отношению к нам, «кускам». Захожу в кабинет.

– Присаживайся. У меня к тебе небольшая просьба. Я уже давно своей супруге обещал сходить в кино, в дом офицеров. Да вот малого не на кого оставить. Ты бы смог посидеть с ним пару часов?

– А сколько ему лет?

– Да уже шесть с половиной.

– Я ничего не имею против и надеюсь, что справлюсь. Только вот давно этим не занимался, и боюсь что нянька из меня, уж очень строгая, не люблю шаловливых деток. Так что уж коли что, не обессудьте...

– Ну, это не страшно. Значит договорились, зайди ко мне домой в восемнадцать часов.

В назначенное время отыскал квартиру начальника. Супруги Доники изображали радушие, а мой будущий подопечный выглядывал из-за угла и корчил рожицы. Его поведение не обещало мне приятного времяпрепровождения.

Так оно и произошло. Как только хозяева скрылись за дверью, отпрыск начальника понесся по квартире и на ушах и на бровях. Я пытался было отвлечься телевизором,

но не тут то было. Мальчик, видимо, зная о моем подчиненном положении по отношению к его отцу, совершенно не реагировал на мои замечания.

Угроза отшлепать тоже не действовала. Он наоборот решил доказать мне, кто в доме хозяин. Так как все вещи и предметы по его милости уже находились в невообразимом беспорядке. Я Макаренко и Ушинского не изучал, поэтому пришлось элементарно его выловить и приложиться пару раз ладонью ниже спины. Здесь он изловчился укусить меня за палец на руке. И со злобностью затравленного волченка пообещал пожаловаться на меня своим драгоценным родителям.

После этого зашился на кухню, и даже с приходом родителей больше мне на глаза не показывался.

– Как тут вел себя наш Сережка? – поинтересовались кинолюбители.

– Терпимо, ответил я, но боюсь, что со мною он больше не пожелает оставаться один на один.

Так или иначе, но мне больше не приходилось выполнять подобные задачи.

Накопление опыта

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Старший повар-инструктор пр-к А. Матвейчев и я, после очередного смотра. На плацу 63 танкового полка.

Определенный опыт по проверке вечного беспорядка в солдатской столовой я приобрел еще в Недлитцах. Дежуря по приемному отделению, нам фельдшерам, иногда прихо-

дилось подменять дежурного врача. А имея большой опыт по несению службы в наряде по той же столовой, я прекрасно ориентировался где, как и что в ней происходит.

Но должен сказать вам правду, впоследствии по долгу службы мне пришлось посетить десятки подобных объектов, но более качественного порядка, чем в столовой артиллерийской дивизии, встречать не доводилось. Чем и как это достигалось точно сказать не смогу, но с моей точки зрения, там был ряд факторов этому способствовавших. Во первых, там был КОМАНДИР ДИВИЗИИ! С большой буквы, (период -76/77 гг). А столовая подчинялась управлению дивизии. Он в свою очередь подобрал начальника столовой, а не пустое место, как это зачастую бывает. Начальник столовой создал команду единомышленников из поварского состава.

Дежурные по столовой, которые заступали от разных частей и подразделений, практически никакой роли в поддержании порядка не играли. Всеми вопросами заправляли повара. Все, как на подбор, под метр восемьдесят и выше, не знаю за какие коврижки, но они прямо с каким-то фанатизмом следили за благополучием своих объектов и столовой в целом. Столовая напоминала хорошее хирургическое отделение, а варочный цех, почти, как оперблок.

Совсем другой была та столовая, в которую я шел сейчас

с проверкой. На предыдущих дежурствах уже приходилось ее контролировать. Увы, это было совсем другое заведение, хотя тоже артиллеристы, но танковой дивизии. Конечно, суть не в этом. Суть как всегда в командирах и их заместителях.

Приземистое, серое, двухэтажное здание, сразу со входа в нос шибает застоявшаяся смесь запахов провонявшей рыбы, подгорелого лука и прокисшей капусты. На полах смесь жира и грязи, ходить, особенно по лестницам нужно с опаской, поскользнешься, костей не соберешь. В цехах лужи, посуда жирная, спец одежда лиц суточного наряда и поваров, замызганная. По цехам носятся жирные крысы.

В таких случаях необходимо по Уставу, приказам и наставлениям произвести запись в журнале по контролю, за санитарным состоянием столовой и качеству пищи о том, что санитарное состояние «неудовлетворительное». Доложить об этом дежурному по части. Дежурный в свою очередь обязан определить время дежурному по столовой на устранение недостатков и, соответственно, перенести прием пищи на более позднее время.

В результате чего ломается стройный график работ и занятий, срывается масса всевозможных мероприятий. Об этом необходимо сразу же поставить в известность командира части, а дежурному ой как не хочется этого делать.

Первые шишки упадут ему на голову. Первая реакция дежурного:

«Ты че прапор, охерел? А ну пиши что все удовлетворительно! Иначе сегодня сам заступишь в наряд по столовой и будешь устранять эти недостатки!»

Чтобы сохранить лицо перед старлеем, изо всех сил стараюсь изображать, что мне его угрозы по большому барабану, но нужно же как – то выйти из положения, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Беру с полки специальный журнал по контролю за качеством пищи и санитарным состоянием солдатской столовой. В разделе для записей дежурного врача (фельдшера) пишу: " Пища приготовлена удовлетворительно, санитарное состояние помещений столовой НЕудовлетворительное. Предлагаю задержать выдачу пищи личному составу до устранения выявленных недостатков» Подпись.

Дежурный по части вытаращив глазенки внимательно следит за каждой буквой, которую я вывожу.

– Ну, все, ты попал, прапор! -хрипит старлей. Я быстро ретируюсь в медпункт. Стучу в дверь кабинета НМС. Докладываю о происшествии своему начальнику. Доника смотрит на меня сквозь толстые стеклышки очков пронизывающим насквозь взглядом.

– Полнейший бардак, говоришь!?! А ну, бегом со мной! Выскакивает из-за стола, и пулей вылетает из медпункта.

Я, соответственно, стараюсь не отставать. И снова забегаем в столовую. Встречные лица суточного наряда и повара шахраются от начмеда по щелям, как тараканы.

Мой начальник с ревом и матами пинает какие – то баки, бачки и все, что встречается на пути. Хватает с полок миски и кастрюльки, проверяя пальцами их чистоту. Они, естественно, даже не обезжирены. Полы скользкие от жира до такой степени, что по ним можно кататься без коньков. Благо покрыты идеально ровной плиткой из гранитной крошки, еще задолго до нас. На встречу снова показывается дежурный по части, из-за его спины трусливо выглядывает прапорщик, дежурный по столовой и прапор – старший повар.

– Кто то здесь собирается оспаривать запись дежурного фельдшера!?! – рявкает на всю столовую мой шеф.

– Ннникаккак-нет! – мычит в ответ дежурный по столовой

– То-то же. Я научу вас «Родину любить». Готовься заступить в наряд на вторые сутки, кусссок! – угрожающе сычит мой протектор.

– Командиру уже доложил? – спрашивает начмед у дежурного по части.

– Так точно. -бормочет под нос старлей.

– Тебе же хуже. – рявкает Доника.

– Значит так, обед по распорядку. Порядок наводить в процессе. А с командиром я сам буду говорить. Пошли

от сюда! – это он уже мне.

По дороге к ПМП.

– Так ты понял, как надо контролировать такой объект, как солдатская столовая? – спрашивает меня, быстро шагая по дороге НМС.

– Так точно.

– То то же. Учись салага, пока я живой. Может быть когда –нибудь тебе это пригодится.

Забегая далеко наперед, скажу. Пригодилось. Еще много и много раз в дальнейшей службе.

Как прошло объяснение начмеда с командиром по поводу этого мелкого в масштабе части, и огромного для меня, инцидента в столовой, мне никто не докладывал, но и никто меня не тормозил по этому поводу. В дальнейшем я понял, что это совершенно рядовое событие. Никто этим в армии не заморачивается. И порядка в столовой ни на йоту с того момента не добавилось. Да здравствует грунтовой иммунитет*!

*грунтовой иммунитет- эпидемиологический термин.

т.е. иммунитет приобретаемый аборигенами, копающимися в родном навозе всю жизнь.

Наркоман в погонах

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: «герой» рассказа пятый слева направо, нмс по середине. Я второй справа на лево.

Прибываю в пмп. Периферийным зрением фиксирую какую -то беспокойно-нервную обстановку среди личного состава. Суетится дежурный Пшенов. Вертятся без дела сан-инструктора батарей. А на их мордах какая -то тревога. Вдруг резко открывается дверь кабинета начальника мед-службы полка. А из них со скоростью снаряда вылетает и он сам.

– Строиться всем!!! Бегом, на улицу! Построение перед медпунктом, -орет он не своим голосом с перекошенным лицом. Глаза при этом сверкают через стекла, как у уссурийского тигра. Все мгновенно вылетели на улицу и заняли свои места в строю. НМС стал медленно проходить вдоль строя и внимательно смотреть каждому в глаза, как бы пытаясь гипнотизировать. Вдруг один из стоявших в шеренге санинструкторов срывается с места, резко заворачивает за угол забора и по аллейке начинает набирать скорость в сторону штаба полка. Доника мгновенно рванул за ним и, не смотря на измученный табакком и спиртом организм, через десять метров догоняет беглеца, который моложе его на десять лет. Делает подсечку и сбивает с ног, затем берет за шиворот и тянет обратно.

– Держите его! Держите эту мразь и покрепче! – с этими словами он передает младшего сержанта Николаева в руки мне и Макарову. Удерживаем извивающийся, почти двухметровый, но хлипкий организм. Тело, еще нам непонятно в чем провинившегося, обмякло, как будто ему удалили позвоночник. Доника метнулся в помещение, и через минуту появился обратно. С коробочкой в руках. Коробочка типа штативчика с гнездышками под ампулы. Все, кто имел отношение к медицине, начали догадываться в чем дело. А когда он подошел ближе и стал перед строем, то мне и другим стало все понятно. На коробочке сбоку надпись «промедол

2%«*.

Семь ампул были со спиленными и отломанными шейками, но чем – то заполненные. А остальные 13 штук еще целые.

– Твоя работа!?! – глядя на Николаева, рявкнул шеф. Он еще ниже опустил и без того уже опущенную стриженный на лысо набалдашник.

– Ммм-ояя, – промычал младший медработник. Хрясь по роже! От души залепил ему пощечину начальник.

– Т-так, в-ведите его ко мне в кабинет, уже сам начал заикаться нмс.

– Остальным разойдись! И находиться на своих местах! Никому никуда не отлучаться из медпункта! -распорядился начальник.

Ташим провинившегося на расправу и присутствуем при разборке. Еще были приглашены в кабинет начальник пмп старший лейтенант Михайлов и младший врач полка лейтенант Гапоненко. Суть происшествия в следующем. Санитарный инструктор 3-й батареи младший сержант Николаев служил второй год срочной службы. (мой однопризывник, о чем, конечно, он не догадывался). По образованию ветеринарный фельдшер. Бывают и такие казусы в армии. Как и многие, ему подобные, допускался до суточных дежурств по пмп. Как я уже писал, на связке у дежурного много все-

возможных ключей. В том числе и от кабинета «неотложной помощи».

Само собою там имеется шкаф с обезболивающими и сильнодействующими медикаментами. К обезболивающим относится и такое наркотическое вещество как промедол. Не выдержал ветфельдшер. Соблазнился на втором году службы. Подобрал подходящий момент и попробовал. Видимо, понравилось. Прекрасно понимая чем ему грозит разоблачение, тем не менее укололся и второй раз. А затем по ампуле, на каждом очередном дежурстве. Ничего умнее не придумал, как заливать опустошенные ампулы водой и ставить обратно в гнезда штатива.

Но они же не запаянные, и мгновенно отличаются от запаянных. На что рассчитывал, мне до сих пор не понятно. Просто оттягивал время и ждал, что, авось, не сегодня обнаружится эта утечка. Видимо, он почему – то понятия не имел что в «НЗ» на чердаке, за фанерной перегородкой этого «добра"навалом. В обязанностях всех врачей медслужбы и начальника аптеки расписана кратность проверки хранения ядов и наркотических средств в год, квартал, месяц... Но не всегда это соблюдается.

При приеме аптеки, я должен был в первую очередь обратить внимание на эту сторону работы. Но и Снова Но!

Не имел я достаточного опыта и знаний с этой стороной в медицинской службе. Что в принципе мне и зачлось. Ни слова упрека со стороны начальника не было. Кроме многозначительного, острого взгляда в мои глаза. Виноват, конечно, в первую очередь, штатный начальник аптеки прапор Махлай. Это он так торопился в отпуск, что и словом не обмолвился об этих вещах.

НМС само собой при приеме – передаче дел должен был спросить с нас, но тоже не до того. Было заведено, что при приеме дежурства, каждый заступающий должен проверять и пересчитывать эти препараты... Увы! Доверяем все друг другу. И вот только то, что начальник вспомнил о своих обязанностях, прервало цепочку в преступлении. И снова НО! Докладывать вышестоящему командованию о происшествии? Да положено, но это только на свою голову. Доложишь и получишь на весь размер, что положено в таких случаях по Уставу, приказам и наставлениям.

Да ну его... Лучше похоронить проблему на месте. Начальник решает вопрос по своему. Предупреждает командира батареи, что его подчиненный - жуткая сволочь, не вдаваясь при этом в подробности. И, мол, нуждается в переводе в другую часть, туда где Макар телят не пас. С глаз долой. Командир батареи соглашается всегда в таких случаях с начальником службы полка. Даже не задумываясь. И не вникая

в подробности.

Затем нмс идет к начальнику кадров полка. И в дружественно-доверительной беседе уговаривает его, что такого-то бойца желательно

куда-нибудь сплавить из нашей части.

– Окей! -отвечает капитан Юрий Жук.– Федорович, какие проблемы!

Решим.

«Фу! Избавился от проблемы,» – решает НМС полка. И забывает о некоем Николаеве. Мы тоже мгновенно стираем его из памяти. Проходит неделя.

Напротив нашего пмп, буквально через узенькую дорожку, на расстоянии 30 метров находится еще один пмп. Как я уже раньше упоминал, танкового полка. Наши соседи по городку. И вот идет мой вечно озабоченный начальник в медпункт. И случайно бросает взгляд на крыльцо соседей. И! несмотря на слабое зрение, но усиленное цейсовской* оптикой замечает. На крыльце, в белом халате, курит и нагло лыбится до ушей младший сержант Николаев, не подавая вида, что узнал, начальник чуть ли не бегом торопится в кабинет. И уже из кабинета звонит своему соседу НМС танкового полка. Тот как раз тоже на месте. Кратко вводит его в курс дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.